

ПОЭЗИЯ "ЦИРКА ОЛИМПИЧЕСКОГО"

Мишель Мэрфи (Murphy) - женщина, молодая и весьма милая. Живет в Сан-Франциско. Участница литературной группы "Five fingers" и один из редакторов журнала с тем же названием (печатавшего в свое время Нину Искренко, Алексея Паршикова и других русских авторов). Некоторые тексты, входящие в предлагаемую подборку, переведены по рукописи - возможно, в Самаре они выходят раньше, чем в США.

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Где было движение, мы плыли. Угадывающие через небо, обернувшись в себя голубым снегом. Изображена моя семья ярким ответным ударом в щеки против течения из нас самих. Мускулы сопротивляются приюту. Разбросали и обратили в дым. Густотой и памятью мы предполагаем совпадение молчания.

Я спала всю ночь. Как будто я могла найти это там. Скалы величиной с эхо соборных молитв долбят дупло в моей шее. Ослабленное одиноким сходством. Оно собрало мое тело, но покрыло одеялом, соскользнувшим с моей кожей. Нежно удаляясь, моя жизнь начинает походить на яйцо. Что я спрашиваю, хочу - стрелы, направление блеска неонового пейзажа. Рот против рта, мягкие губы, твердые зубы, прячутся в нору. Что я могу сказать, продолжить удивление и неподвижно быть пораженной.

Неуверенная девочка учится идти языком ее матери. Все это, возможно, станет песней. Нас заставляют снимать шелуху нашей переполненной памяти - угадывать немногие вещи. Посмотри на воду в холодных постелях плотин. Наша кровь сотрудничает со слuchаем. Река утешет доверчиво с рыбой.

Бережно я беру список. Репертуар подчисток, тонкая ветка разрыва на фоне съедобных лет. И что я могла спросить. Мое тело - слепое, полое, ожидает роста обратно - плотно, тупо. Когда луна глотает звук, я слушаю снег.

Зерно растет, когда мы возвращаемся назад. Я делаю снежных ангелов, бью ледяной просьбой во вздох. Красный самолет наблюдает убывание земли. Это сердце - черный янтарь, постоянно тревожащий небо.

13 ПУТЕЙ ОТКАЗА

1. Покажи мне плечи, - требует он, когда стаканы пусты. Как лилии, - говорит он, и она смеется над белой заботой. Отказ скрыт между ними.

2. В эти дни вид вдали печален - влажное белье из стирки, растянутые рукава подвешены к горизонту. Он оставляет записку под ее дверью, что опаздывает, и она вспоминает беззаботную городскую площадь в сумерках, молодоженов, сидящих на окружающей парк низкой стене, однако не улыбающихся. В их глазах робость, и мир прекрасно не замечает их.

3. Бабушка демонстрирует свои красные губы, вдавливающие кровь в глубь ее щек. Тяжелые серьги и уроки курения. Это уберет сопрано из твоего голоса, говорила она, закуривая сигарету. Мужчины не хотят платить за такой голос. Она вспоминает ее длинные глаза и нос, похожий на коробочку хлопчатника, воткнутую в кожу. Все в дыму.

4. Влюбленные прячутся под лестницей, их унылые вздохи поднимаются к ее открытому окну. Она полностью ощущает и уверенно расставляет внутри эти чередующиеся лица, среди белого дня их утраты, праздника и откупориваемого шампанского. Водители такси также делали все хорошо, деньги переходили из рук в руки, и ничто не пришло к окончательному результату.

5. Бабушка заточила карандаш, нарисовала себе спелый рот. Варвары хотят цирка, говорила она ей. На ее глазах она снимала простые чулки и надевала ажурные, и прозрачные черные штаны в обтяжку с блестящими звездами, поднимающимися от лодыжек, и туфельки из тонких кожаных ремешков с высокими каблуками. Упражнение в бесстыдстве. Она стоит, как артист на трапеции, выразительно выпрямленная, научившаяся потягивать шампанское так, как будто она всегда претендовала на большее.

6. Мы похожи на место, где только что были, однако это не всегда так. Она носит свадебную ленту, так что ее никто не потревожит; когда она работает одна. Свойства пейзажей, в которых фигуры более чем второстепенны. Ее свадебная лента носится так привлекательно в ее фантазиях.

7. Она размешивает кофе, наблюдая, как сахар растворяется. Когда он положил руку между ее ног, она повернула лицо к залу. Дай им поглязеть, сказала она, и передала свечу со стола, чтобы лучше видели.

8. Она стала фантазией, никто из них не может вспоминать, когда одинок. Поцелуй притупил их губы. Что стоит в движении, сказал он, вытаскивая заколки из ее волос. Есть отказ, так утонченный в кафедральном соборе, что заставляет встать на колени и говорить шепотом. Когда он открывает последнюю бутылку, пузырьки окружают их набожность. Заколки падают.

9. Это место снятых с петель дверей, протекающих кранов. Автоматы продают товары, их язычки блестят. Она посыпает ему телеграмму, сообщая, что они покончили с проповедью, и сейчас там нет ничего оставленного, кроме фонарей, ее здоровых зубов и открытых кожаных туфель. Она возвращается к начертанию своего имени по-старому. Изможденные письма. Отсутствия в сомнениях, она маскируется в порушеннях, пытаясь остановить отсутствие его голоса, красных костишек пальцев. Но, пишет она, засады ждут всюду, где я обворачиваюсь.

10. Он представляет себе жилки на ее ногах, ее силуэт, заблудившиеся волосы. Он не может прибить гвоздями ряд простых жестов. Он - тот же, кроме нее. Сейчас он развлекается, проводит часы, измеряя угол между кроватью и ее воображаемым обликом. Начищает свои ботинки до блеска. Он мечтает сбить ее, но руки стали тупыми. В темноте нет ничего, о чем он может написать, с чего начать говорить. Его тень показывает точно на север.

11. Цирк приезжает в город снова. В это время больше фокусников, чем хочется видеть. Ножи, яблоки, груши, вертящиеся шары, бенгальские огни. Они все сразу в воздухе. Женщина, что скакала на украшенных

плюмацами лошадях, сейчас продаёт конфеты на палочках. Ее талия не струится с ярким блеском. Полная радости, она смотрит на голову дочери, когда та проезжает большой круг под аплодисменты. Танцующий медведь бросает одну из своих белых перчаток, и его бьют. Дикари, кричат матер. Чувствовать твой пот, - пишет он, - как это влажное тепло, созданное и отражающееся внутри тента. Недостаточно просто наклоняться в желание. Но шатание в этой вспышке веры... здесь нужен огнеглотатель.

12. Пожарные краны, металлические багры, желобы для стока воды - глубиной больше, чем по колено. Она моет свои волосы в свободном, где каждый может посмотреть на темные корни, идущие от ее головы. Сон - вечный миранин, пишет она, каждая собака знает это. Попасть в более тугой узел, чем отламывать хлеб каждой тени. Улицы будут переписаны. Где я иду? Я не могу сохранить мир с каждым. Все, что я слышу по телефону - гул и неподвижность.

13. Антенна старого радио флиртует с подоконником. Мелодии задеваются друг за друга, врываясь какофонией на тротуар. Он выдумывает новую церковную службу в своей голове, где боль окончательно разрешила толчко клубящимися мыслей. Похвала шире, чем мужские плечи. Возвращайся домой, пишет он. Я нашел бутылку с еще нетронутой пробкой, запер на замок в шкафу, подмел комнату. Возвращайся, посмотри на себя, все чисто.

ВИДИМЫЙ

Этот голос слабо гудит в ее волосах, тонкий тон поднимается около уха, но никогда не входит внутрь. Где может что-то значить песня. Его робость кусочка подделки. Она услышала, как он открывает дверь спальни, встала здесь, прислоняясь к его ноге. Она покидает того, кто моет груши, - освежить его дыхание. Она хочет взять на службу его тело, но боится проиграть в его мускулах, поглощающих молчание, которое они осторожно построили. Что могло быть так хорошо, - пристальный взгляд на концах ресниц друг друга, но там слепота, и все безразлично. Рука может еще держать плод, различать пальцами спелость. Сними кожуру. Во всяком случае, она думает, что будет лучше чувствовать запах надкусенной груши в темноте.

ПЕСНЯ

Я пришла к песне. Я начинала с роя пчел, вертящихся в моей груди, заменяя стук сердца более простым - садом желтого звука. Я пришла к свидетелю - быть фоном сцены. Если рука отсутствует, призрак ее остается, чешущийся у сгиба локтя, умоляющий левую руку согнуть просителя пополам. Я пела, и рука снова появлялась, дерка чашку меда. Если бог должен быть здесь в доме, его голос почувствует сладкий вкус.

Не говори, не стоит беспокоиться об этом. Когда я была ребенком, это было белым днем, черной рекой. То, что не знал своего места, не двигалось. Спокойный французский, целующий тягучей жидкостью ритма, имел свою точность, свою завершенность. Волшебство высыпало и сыпалось хлопьями, как слюда, на наши языки. Рыба, которую мы ели, была без костей. Речная вода ластилась к нашим щиколоткам в окошках, и мы не находили применения для молитв.

"Я знаю двух человек". Ее глаза злажны и пусты. Омытые кровью звезды задевают ее рот, пока сверкают, как вино причастия. "Я знаю двух человек", повторяет она через гладкую черную воду, сопротивляясь желанию пропеллеть их имена.

МИШЕЛЬ МЭРФИ

С.Осьмачкина. Из цикла "Материя". Композиция № 19, 1994.

Это карта, которая называется семерка. Некоторые зовут ее "Небо" и носят на шее, как железный балласт, другие глотают ее, как сильно действующую пилюлю. Вера похожа на это. Прошлой ночью, поздно, мы ехали через густой туман и увидели калеку, танцующую под дождем. Мы остановили машину, вытащили фотоспышку из-под сиденья, оставив все, что у нас было, в открытом багажнике. Мы танцевали на эвкалиптовых листьях, дождь впитывался в нас, ошеломленный зрелищем. Счастливые подковы, медяки, дешевая крольчья лапка, открытка из долины Йосемайт, браслет с амулетами. У калеки был неудержимо веселый призрак ног, его пируэты посрамили всех нас.

Той ночью, когда веселье началось, наша темнота вывернула себя наизнанку. Мы стаскивали мокре черное небо фотоспышкой, оставив ключи тумана разваливаться, и света было достаточно, чтобы различить, как жила там. Все, что оставлено, было неслышной тенью, наши губы двигались, ничего не произнося. Так мы проходили нашу дорогу домой.

Перевод А.УЛНОВА

